

Выходить ежедневно утром.

Цена отдельного номера:
в Латвии: 10 сент.
(5 лат. р.)

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За строку петита или заим. бю мѣсто — в Латвии
въ текоть Лз 1.20 (60 р. лат.)
предл. труда " —.12 (6 " ")
спросъ " " —.26 (13 " ")
фирмы и увесел. учр. " —.32 (16 " ")
позади текота " —.26 (13 " ")

+ 5%
гор.
налога

Редакция, главная контора и экспедиция:
РИГА, Большая Кузничная (Lielā Kaleju iela) № 43.

Телефонъ редакціи 199, гл. конторы 39-99.
Отдѣленіе конторы: Рига, Известковая 18, тел. 5-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 час. вечера.
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата въ мѣсяць:
въ Латвиі Лз. 250 (125 руб.)
За границей " 370 (185 ")
" " 73 амер. цента

Почтовый ящикъ № 85.

Такушіе счета:

въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ . . . № 115.
въ банкѣ Латвиі № 534.
въ Рижскомъ для виѣшней торг. банкѣ № 22.

А. П. Чеховъ и „начинающіе геніи“.

Изъ воспоминаній.

Въ довольно уже обширной литературѣ воспоминаній о Чеховѣ есть досадный пробѣлъ: почти ничего не говорится о томъ, какъ онъ относился къ начинающимъ писателямъ. А вѣдь, на протяжении нѣсколькихъ лѣтъ Чеховъ, какъ заведывавшій отдѣломъ беллетристики популярнѣйшаго въ читательской и писательской средѣ толстаго еженедельника «Русской Мысли», — поневолѣ входилъ въ сношенія со множествомъ писателей всѣхъ ранговъ, въ томъ числѣ и съ писателями начинающими, мечтавшими попасть въ «Русскую Мысль».

Перебирая пожелтѣвшіе листки записей, сдѣланныхъ мною въ Ялтѣ, гдѣ тогда доживалъ послѣдніе годы своей жизни А. Чеховъ, вспоминаю, между прочимъ, и наши бесѣды на эту тему.

— Охъ, и дознавать же меня, признаться, господа «начинающіе геніи»! — постоянно жаловался Чеховъ. — Подваливаютъ, подваливаютъ рукописи каждый день! Положь какой то! Наводнение! И откуда только берется? Вѣдь, если бы принимать только одну двадцатую или одну тридцатую часть того, что они присылаютъ, — то пришлось бы выпускать «Русскую Мысль» не разъ въ мѣсяцъ, а... а чуть не каждую недѣлю! Вотъ, и судите о положеніи: лежать передъ тобою цѣлый ворохъ произведеній, а ты знаешь, что взять то изъ этого вораха можно едва ли сотую часть.

— А какъ вы поступаете, Антонъ Павловичъ?

Чеховъ смѣшно морщитъ крупный носъ, скорбно улыбнется и потомъ гудитъ:

— Прочитываю, прочитываю! По крайней мѣрѣ, хоть первую то страничку. При извѣстномъ наивнѣ — этого достаточно. Ну, если въ первыхъ же страницахъ обнаружится нѣчто живое, — приходится проглядѣть и до середины, а то и до конца.

Опять смѣшно морщитъ крупный носъ. Опять подобіе скорбиво-звѣрской улыбки. И гудитъ голосъ Чехова:

— Впрочемъ, сіе послѣднее бываетъ, признаться, весьма рѣдко! Ибо, между нами, деваностодоваты проценовъ того, что одержимые зудомъ писательства присылаютъ въ редакціи, оказывается, по правдѣ, сущимъ хламомъ! Катанъ М. К.! Вы не юрискъ?

— Нѣтъ! А что?

— Хотѣлъ справиться: вѣтъ ли такого закона, который подѣл страхотъ, велитъ въ каторгу на вѣчныя времена высылать бы начинающимъ писателямъ въ обязанность производить, при посылкѣ рукописей — на

просмотръ, специальную декларацію съ точнымъ указаніемъ, сколько автору лѣтъ, не занимается ли онъ... ну, скажемъ, выпиливаніемъ по дереву до остревѣнія, не состоитъ ли онъ въ толстовцахъ, въ собирательныхъ рѣдкихъ маркахъ, въ вегетарианцахъ, не служитъ ли онъ, часомъ, въ земскихъ акушеркахъ-фельдшерицахъ, и... и не обитаетъ ли въ какомъ нибудь почленномъ пріютѣ. Тогда, по крайней мѣрѣ, нашъ братъ, редакторъ, могъ бы сразу видѣть, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло! Вѣтъ, не шучу! Не до шутокъ тутъ! Вотъ, и упомянулъ объ авторахъ изъ почленныхъ пріютовъ... Раньше хотъ этой то «самородины» не было. А съ тѣхъ поръ, какъ Алексѣй Максимычъ сдѣлалъ голову-кружильную актературную карьеру, — нѣтъ такого почленного пріюта на Руси, гдѣ не было бы по крайней мѣрѣ полудесятка кандидатовъ въ Горькіе. Да, вѣдь, какаа увѣренность въ собственныхъ силахъ! Недавно одинъ прислалъ мнѣ «на просмотръ» нѣсколько фунтовъ... сахарной бумаги. Ну, конечно, рукопись. Ну, конечно, — цѣлый романъ. Да еще и нѣтъ велико-свѣтской жизни. И въ сопроводительномъ письмѣ заявленіе:

— Будучи въ пьяномъ видѣ, и получивъ восплавленіе писательской фантазіи, накатать я сей романецъ, можно сказать, одинымъ духомъ! А теперь посылаю его вамъ на проглядѣ. Только даромъ печатать не согласенъ!

— А рдѣ ужъ тутъ даромъ печатать? Съ него, поддѣла, за одно только прочтеніе рукописи надо бы тысячъ двѣ рублей взять! — гудитъ Чеховъ. — А съ «толстоцедемъ» — сдѣлано бы по какой нибудь спеціальной такел, какъ извозчики берутъ съ пассажировъ за вѣщную бадю... Но, впрочемъ, и акушерки-фельдшерицы — тоже пародъ талантливыя. Впрочемъ, имѣются, впрочемъ, такія профессіи, которыя подготавливаютъ къ графоманіи. Вотъ, напримеръ, взять сельскихъ учителей, что ли. Сидитъ ребѣ до извѣстной степени, все же, грамотный человекъ въ какой нибудь невѣроятной глуши. Толщина. Только я вѣтъ развѣненіа «ининокъ» съ какимъ нибудь «сельскимъ интеллигентомъ» нѣтъ волостныхъ писарей. Вотъ, и приходится такой психологическій моментъ, что начинается челомъ съ возмѣшаваніемъ поспривать на вѣщныя въ стѣну крыть: не повѣситься ли со скуки? А потомъ рѣшается:

— Нѣтъ, вѣшаться не стоитъ! Лучше за-

сиду ка я, да и «накатаю» романъ въ шести частяхъ!

И «катаетъ». А нашъ братъ — отдувайся!

Но это еще понятно: мало ли что съ тою смертною въ голову притти можетъ?! А, вотъ, скажите вы мнѣ: почему гимназисты четвертаго и пятаго класса почти поголовно за писательство берутся? Личико у нея розовенькое, глазки голубенькіе, на лобикѣ — челочка. Гимназиста и реалисты — мрутъ, какъ мухи. А она, Лиличка, или Ниночка, — тоненькіе пальчики въ чернилахъ купае... Впрочемъ, розоволлицы гимназисточки иной разъ и совсѣмъ недурные стишки пишутъ. Право же! Только — зачѣмъ непременно онѣ думаютъ, что въ редакціяхъ никто не знаетъ Марри Лохвицкой и Ольги Чюминой? «Сдирала» бы, ну, съ Каролины Павловой, что ли, либо съ Розенгейма...

* * *

На практикѣ я убѣдился, что А. Чеховъ, такъ яростно на словахъ расправлявшійся съ начинающими авторами, — на самомъ дѣлѣ относился къ присылавшимся ему «на просмотръ» рукописямъ со вниманіемъ, которое авторы этихъ рукописей, въ массѣ, вовсе не заслуживали. Если Чехову при чтеніи первыхъ страницъ какого либо произведенія удавалось наткнуться хоть на намекъ на способность автора, онъ буквально штудировалъ рукопись, и сплошь и рядомъ вступалъ съ авторомъ въ переписку, въ которой давалъ серьезныя указанія, наставлялъ. Такую переписку, между прочимъ, Чеховъ велъ нѣсколько мѣсяцевъ съ засыпавшимъ его утѣшителями, чуть не пудовыми рукописями сельскимъ учителемъ А. Лѣвымъ, преподавателемъ татарской школы въ Ай-Басилѣ, близъ Ялты. А Лѣвый былъ несомнѣннымъ графоманомъ, «пупкикомъ» котораго была — философія «отъ себя», — разумѣется, — сумбурная, ничтожная. Но у него имѣлся богатый матеріалъ наблюденій надъ жизнью татаръ, и иногда въ его вѣщахъ проскакивали интересныя съ натуры записанныя сценки. Чеховъ обнаружилъ нѣсколько такихъ заслуживающихъ быть напечатанными сенокъ, и сталъ пытаться направить Лѣваго въ эту сторону, убѣждая его не пускаться въ дебря философіи. Но тутъ то было! Лѣвый, самонабывный и упрямый, какъ быкъ, — и слушать не хотѣлъ никакихъ резоновъ. Указанія Чехова на относительно цѣльность сенокъ съ натуры онъ считалъ прямо таин-обиднымъ для себя.

— Я шесть фунтовъ бумаги исписалъ размышленіями на философскія темы, а Антонъ Павловичъ обратилъ вниманіе только на одинъ листокъ, гдѣ я записалъ разговоръ двухъ стариковъ татаръ! Ну, развѣ

же не обидно? Конечно, если бы я былъ «какимъ нибудь приватъ-доцентомъ», то отношеніе было бы совсѣмъ иное! Но я теперь подготавливаю еще одну рукопись. На этотъ разъ добрыхъ десять фунтовъ будетъ. Посмотримъ, что Антонъ Павловичъ скажетъ!

Этотъ злополучный графоманъ сдѣлался какимъ то злымъ кошмаромъ для бѣднаго Чехова...

Въ періодъ 1901—1902 года. А. Чеховъ посылалъ съ планомъ организаціи новаго крупнаго идейнаго издательства. Кто то изъ московскихъ толстосумовъ, любившихъ иной разъ разыгрывать роль мецената, — общалъ финансировать это издательское предприятие, давъ «за первыхъ порахъ» двѣсти тысячъ рублей. Когда дѣло казалось сложенымъ, Чеховъ вназвалъ меня къ себѣ на дачу для совѣщанія: не представится ли возможность организовать отдѣленіе издательства именно въ Ялтѣ, куда можно будетъ привлечь нуждающихся въ пребываніи въ мягкомъ климатѣ писателей. Во время разговора на эту тему Чеховъ вытаскивалъ изъ письменнаго стола вѣскольکو утѣшительныхъ папокъ, въ которыхъ оказались вырѣзки изъ добрыхъ двухъ десятковъ провинціальныхъ газетъ: произведенія бывшихъ на разныя глумимъ угламъ, какъ рыба объ ледѣ, провинціальныхъ авторовъ. Оказалось, Чеховъ, заваленный работою и жестоко больной, — годами слѣдилъ по газетамъ за работами литературной молодежи и думалъ, какъ помочь этой молодежи выбиться, какъ открыть для нея дорогу. Къ сожалѣнію, много наобѣщавшій меценатъ толстосумъ «спердудалъ» и предпачалъ «финансировать» какую то кафе-шантанную атуаль. Чеховъ былъ очень огорченъ этою «измѣною», — но не хотѣлъ разстаться со своею мечтою объ идейномъ издательствѣ, и уже наканунѣ своего отъѣзда въ Ваденвейлеръ говорилъ мнѣ:

— Если только ибмцы меня не зарѣжутъ, то, вернувшись, я попытаюсь наладить дѣло. А вы, пока что, спешивайтесь съ подходящими людьми. Деньги — вздоръ! Деньги найдемъ!

Въ моемъ архивѣ имѣется не мало пожелтѣвшихъ листовъ съ записями, относящимися къ тѣмъ, увы, далекимъ годамъ, когда мнѣ приходилось бесѣдовать съ А. Чеховымъ. Я взялъ изъ нихъ для настоящей статьи первое, что подвернулось подъ руку. «Какъ нибудь, въ другой разъ, вернусь еще къ воспоминаніямъ о Чеховѣ его послѣдняго, ялтинскаго періода жизни, когда на его лицѣ уже лежала тѣнь близкой смерти, а на всѣхъ его произведеніяхъ — былъ налетъ тихой и померной грусти человека, истиннымъ чувствомъ свой близкой концы...

М. Первухинъ.

Рязань, сентябрь.